

спрашивает автор. И отвечает: «То суть идолослужители, иже ставят трапезу рожаницям. . . иже молятся огневи под овином, вилам, Мокошьи, Симу, Рьглу, Перуну, Волосу скотью богу, Хорсу, Роду, Рожаницям и всем проклятым богом их. . . иже ставят лише кутья, ины трапезы законного обеда, иже нарецаются беззаконная трапеза, менимая Роду и Рожаницам в прогневание богу» («Слово некоего христоролюбца»); «Но и ноне по украинам сего не могут ся лишити, проклятого ставленья 2-ые тряпезы, нареченые роду рожаницам» («Слово о том, како погани суще языши»). Речь идет о внецерковных, «вторых» поминках по умершим предкам, сверх канонического поминания в храме с положенной при этом роздачей кутьи, «законного обеда». Где именно совершалась «беззаконная» вторая трапеза — уясняется из целого ряда обличительных и дисциплинарных памятников: местом для нее мог служить просто пир или нарочно для покойников вытопленная баня (с которой, кстати, связана в нашей летописи не только шутка над новгородцами апостола Андрея, но и космогония волхов), или, наконец, самое место погребения. О таких трапезах знал уже Кирик, автор древнейшего памятника русской церковно-дисциплинарной литературы. А их приурочение к местам погребения: к курганам, жальникам и позже к городским кладбищам — засвидетельствовано уже для глубокой древности драгоценным рассказом летописи о поминках Ольги по Игоре. «Пристройте», т. е. приготовьте, — говорит она через посла древлянам, — «меды многы. . . да поплачюся над гробом его», т. е. на месте погребения, и «створю тризну мужю моему». «Ольга же приде к гробу его и плакаса по мужи своем», т. е. совершила обряд оплакивания: «и повеле людем съсуги могилу велику», т. е. насыпать над погребением холм; «и яко соспоша, повеле тризну творити», т. е., когда насыпали холм, стали совершать тризну — обрядовый бой; «по сем», т. е. по окончании тризны, «седоша пити» (Ипатьевская). Об обычае «мертвых кликать» на жальниках по погостам и ставить там трапезы упоминает Стоглав, говорят и наблюдавшие этот обычай иностранцы (Петрей, Олеарий). Словом, свидетельства о почитании Рода не оставляют сомнений в том, что этому культу принадлежало исключительное место в русском язычестве: ни той или иной областью, ни социальным слоем, как, скажем, культ Владимировых кумиров, этот культ, очевидно, не ограничивался, будучи повсеместным, исконным, общенародным.⁷ И в обрядовом своем выражении он поминками, конечно, не ограничивался; кроме смерти родоначальника, меньшим событием в жизни архаического рода — а затем и в пережившем его культе — были брак и родины. То и другое тоже несомненно весьма долго сохраняло отпечаток языческого обряда, на что немало есть указаний в тех же обличительных и дисциплинарных памятниках.

И при всем том культу Рода в древнерусском быту приписывался до сих пор сугубо частный, семейный только характер. Ограничиваясь по большей части догадками о возможной древности соответствующих фольклорных данных (радуничных окличек, причетей и т. п.) да перечнем соответствующих церковных обличений, исследователи об общественном значении этого культа даже не ставили и вопроса. Указание Соловьева на летопись до сих пор ничье внимание не привлекло. А между тем оно сбивает того, чтобы на нем остановиться. Дело в том, что отмеченный Соловьевым признак: полужыческая молитва к неканонизованному церковью предку — указанным местом летописи не ограничивается: вслед за приведенным эпизодом под 1169 г. помощь «дедней и отней молитвы»

⁷ Свод данных о нем см.: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I. Харьков, 1916, гл. VI.